

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

© К. Ю. Лаппо-Данилевский

ВОПЛОЩЕНИЯ ДИОНИСА*

Книга, о которой пойдет речь, и долгожданна и неожиданна. Долгожданна потому, что о немецкоязычном изводе центрального религиозноведческого труда Вячеслава Иванова, его бакинской диссертации «Дионис и прадионисийство»,¹ известно уже давно,² а информация о подготовке его полного текста в издательстве «Моор Зибек» в последние годы не раз просачивалась в печать.³ Неожиданна эта книга в ее полиграфической явленности потому, что само наличие авторского перевода столь объемного сочинения на иностранный язык не может не впечатлять и неминуемо влечет за собой многочисленные вопросы: что побудило уже немолодого поэта, жившего в Италии весьма скромно, обремененного содержанием двух детей, постоянно искавшего приработка, взяться за столь трудоемкое предприятие? В силах ли он был его завершить? А если нет, то насколько полна и

аутентична немецкая версия диссертации? Что менял в своем «бакинском» тексте Вяч. Иванов и насколько его переработал, готовя *opus vitae* для восприятия в ином культурном пространстве?

Надо сказать, несколько забегаая вперед, что издание, подготовленное двумя прinstonскими коллегами — Майклом Вахтелем и Кристианом Вильдбергом, дает ответ и на эти, и на многие аналогичные вопросы; пока же имеет смысл охарактеризовать структуру книги. Она адресована в первую очередь немецкоязычному читателю, поэтому американские ученые снабдили текст Вяч. Иванова статьями и аппаратом на немецком языке. Издание открывают две статьи — «Вячеслав Иванов и его книга о Дионисе» М. Вахтеля и «Религия, история и история религии: вводные замечания к „Дионису“ Вяч. Иванова» К. Вильдберга. Их совместная заметка «О принципах издания» предваряет немецкий текст диссертации. В первом из приложений к ней помещена статья Вяч. Иванова «О существе трагедии» (1912) в авторизованном переводе Е. Д. Шора;⁴ во втором — статья поэта об У. Вилламовице-Мёллендорфе, написанная по-немецки для журнала «Hochland».⁵ Третье приложение составили документальные материалы к истории немецкого «Диониса». Завершают книгу: краткая летопись жизни Вяч. Иванова, библиография, а также указатели — мифологических имен, религиозных и культовых понятий, исторических имен и цитируемых античных произведений.

В статье М. Вахтеля «Вячеслав Иванов и его книга о Дионисе» справедливо указано на перелом в развитии научных интересов Вяч.

* *Ivanov Vjačeslav*. Dionysos und die vordionysischen Kulte / Hrsg. von Michael Wachtel und Christian Wildberg. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 2012. 416 S.

¹ *Иванов Вяч.* Дионис и прадионисийство. Баку: 2-я Гос. Тип., 1923. XII, 303 с.

² Так, в голландском журнале «Castrum Peregrini» с перерывом в двадцать четыре года в сокращенном виде были напечатаны девятая и десятая главы из «Диониса и прадионисийства»: «Der orphische Dionysos» (Castrum Peregrini. 1961. № 48. S. 7—32); «Pathos, Katharsis, Tragödie» (Ibid. 1985. № 168/169. S. 96—129).

³ Как случай замечательной преемственности следует отметить появление этой книги в издательстве «Моор Зибек». Именно здесь состоялись в начале 1930-х годов две важные публикации сочинений Вяч. Иванова в переводе на немецкий язык: *Iwanow W.* 1) Die russische Idee / Übersetzt und mit einer Einleitung versehen von J. Schor. Tübingen: Verlag von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. VIII, 39 S. (Philosophie und Geschichte: Eine Sammlung von Vorträgen und Schriften aus dem Gebiet der Philosophie und Geschichte; № 26); 2) Dostojewskij. Tragödie — Mythos — Mystik; Autorisierte Übersetzung von Alexander Kresling. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1932. VII, 142 S.

⁴ *Iwanow W.* Der Sinn der antiken Tragödie / [Übertragung von J. Schor] // Hochland. 1937. Jahrgang 34. Heft 3. Dezember. S. 232—243.

⁵ *Iwanow W.* Humanismus und Religion: Zum religionsgeschichtlichen Nachlass von Wilamowitz // Hochland. 1934. Jahrgang 31. Heft 10. Juli. S. 307—330. Русский перевод: *Иванов Вяч.* Гуманизм и религия. О религиозно-историческом наследии Вилламовица // Символ. 2008. № 53/54. С. 185—219 (пер. К. Ю. Лаппо-Данилевского).

Иванова в конце 1890-х годов, ставший первым шагом в сторону его главного религиозно-ведческого труда. Именно тогда он сменяет объект своих студий и обращается к древнегреческим культам. Важнейшее значение в связи с этим имело пребывание поэта в 1901—1902 годах в Афинах, где он принял активное участие в жизни тамошнего отделения Немецкого Археологического института, был в постоянном контакте с Вильгельмом Дёрпфелем, Адольфом Вильгельмом и другими выдающимися антиковедами. Непосредственным результатом этих занятий стал курс лекций «Эллинская религия страдающего бога», прочитанный Вяч. Ивановым весной 1903 года в Русской высшей школе общественных наук в Париже, основанной М. М. Ковалевским. Их текст был вскоре напечатан и вызвал немалый интерес как в научных, так и в литературных кругах.⁶ Обзорно-проблемный характер изложения значительно отличает их от позднейшей бакинской диссертации и побуждает признать курс, скорее, подготовительной работой прикладного характера. Справедливо отмечая, что генезис русского «Диониса и прадионисийства» еще не прояснен, Вахтель уделяет основное внимание рождению немецкого варианта книги. Подосадуя все же, что исследователь не упомянул в своем предисловии о статье Вяч. Иванова «О Дионисе Орфическом»,⁷ ставшей важной вехой в истории создания «Диониса и прадионисийства». Она была напечатана в 1913 году, а в дополненном и переработанном виде составила главу IX интересующего нас труда.

Как известно, Вяч. Иванов приобрел довольно широкую известность у европейских интеллектуалов, начало которой положил успех «Переписки из двух углов», а затем ей способствовали публикации по-английски, по-французски и по-итальянски, а также сотрудничество в таких журналах, как «Согопа», «Hochland», «Vigile» и др. В этом смысле закономерным стало сотрудничество с издательством «J. C. V. Mohr (Paul Siebeck)» и выход двух книг в нем (обе в авторизованных переводах на немецкий язык).⁸ Как показывает Вахтель на основании многочисленных цитат, книга о Дионисе вызвала немалый интерес у западных друзей Вяч. Иванова — у Ганса Вейгингера, у Мартина Бубера, у Эрнста Роберта Курциуса и др. Знакомству с ней препятствовал прежде всего языковой барьер.

⁶ Лекции были опубликованы вскоре после их прочтения в журналах «Новый путь» (1904; № 1—3, 5, 8) и «Вопросы жизни» (1905; № 7). Выход в свет отдельной книгой, многократно анонсировавшийся, так и не состоялся.

⁷ *Иванов Вяч. О Дионисе Орфическом // Русская мысль. 1913. Кн. XI (ноябрь). С. 70—98 (2-ой паг.).*

⁸ См. выше прим. 3.

В 1934 году Вяч. Иванов утратил место лектора в Павийском университете, а вместе с ним и верный скромный доход; в последующие годы он жил в Риме. В этой ситуации вполне понятны заботы его друзей, стремившихся доставить поэту литературный заработок. Так, по совету Ф. А. Степуна и Н. Н. Бубнова 15 мая 1936 года к Вяч. Иванову обратился Эрвин Ландау от имени базельского издательства «Benno Schwabe & Co» с предложением опубликовать «Диониса и прадионисийство» на немецком языке. Соответствующий договор был заключен с Вяч. Ивановым 17 января 1937 года. Данное сотрудничество было в значительной мере подготовлено тем, что ранее Эрвин Ландау возглавлял берлинское издательство «Die Runde»,⁹ в котором итальянский германист Алессандро Пеллегрини, близкий знакомый русского поэта, выпустил монографию о Стефане Георге и номер журнала «Il Convegno» (1933), специально посвященный Вяч. Иванову.

Первоначальное намерение существенно переработать книгу Вяч. Иванов вскоре оставил; при этом он некоторое время посвятил весьма интенсивным занятиям в римских библиотеках для того, чтобы ознакомиться с новейшей научной литературой о дионисийских культах. Поэт несомненно размышлял и о том, как лучше «развернуть» книгу к немецкой аудитории, как учесть исследования последнего времени, что предполагало и изменения, и дополнения. Уже на этом раннем этапе сотрудничества с Эрвином Ландау Вяч. Иванов выразил желание поместить в книге статью «О существе трагедии» и «Гуманизм и религия. О религиозно-историческом наследии Виламовица» в приложении к основному тексту книги.

Как и в других случаях, Иванов отклонил предложение стать переводчиком собственного труда; эта работа была поручена Кетэ Розенберг, близкой к кругам русской эмиграции кusine жены Томаса Манна. И как и в других схожих случаях, текст переводчицы подвергся интенсивнейшей авторской переработке, в нем буквально не осталось камня

⁹ Издатели сознательно стремились к многозначности названия, в силу чего перевести его одним словом крайне затруднительно. «Die Runde» — это и круг, и дозор, и беседа. Издательство было основано в 1930 году Эрвином Ландау и Вольфгангом Фроммелем под влиянием идей Стефана Георге и ставило перед собой задачу пропаганды неогуманистических ценностей. Изменение культурной ситуации в Германии после прихода национал-социалистов к власти привело к тому, что «Die Runde» к середине 1930-х годов прекратило существование. Третий Рейх один за другим покидают Вольфганг Фроммель, Эрвин Ландау и Кетэ Розенберг, на которую был возложен перевод «Диониса и прадионисийства» на немецкий язык.

на камне. Несмотря на щедрую предоплату и просьбы Эрвина Ландау о скорейшем завершении, дело затянулось. В письме от 15 октября 1938 года к Бенно Швабе Вяч. Иванов дал подробный отчет о состоянии дел и о том, что еще предполагается сделать. Дальнейшие проволочки приводят швейцарца в крайнее раздражение. Он пытается ускорить окончание работы над рукописью, проинформировав о невыполнении Вяч. Ивановым принятого на себя обязательства швейцарское посольство в Риме, которое 30 сентября 1942 года обратилось к поэту с требованием скорейшего их исполнения. И хотя поток напоминаний вскоре иссяк, а дальнейший ход исторических событий отвлек и издателя, и посольство от поэта-кунктатора, Вяч. Иванов продолжал трудиться над рукописью и, как явствует из его послевоенных писем, был искренне огорчен тем, что не сдержал слова.

Ценность статьи «Религия, история и история религии: вводные замечания к Дионису Вяч. Иванова» К. Вильдберга, думаю, не в малой степени в том, что ее автор — антиковед, рассматривающий книгу прежде всего в широком контексте религиозно-исторической мысли последних столетий.¹⁰ Тем существенней его оценка для ивановедов, нередко замыкающихся в пределах русского культурного пространства, а то и творчества Вяч. Иванова. Для Вильдберга «Дионис и прадионисийство» важен прежде всего как труд, существенно дополняющий общую картину европейских религиозно-исторических и культурно-философских споров конца XIX — начала XX века, у истоков которых стоял Фридрих Ницше. Диссертация Вяч. Иванова — это по сути развернутое возражение мнению, восторжествовавшему в науке и представленному столь блестящими именами как Отто Керн, Джейн Харрисон, Эрвин Роде и Вилем-Мёллендорф, мнению не только о заимствованности, но и о чуждости дионисийских культов духу древнегреческой культуры. Глубокая укорененность почитания Диониса в греческом прошлом, подчеркнутая Вяч. Ивановым, как известно, нашла после его смерти подтверждение благодаря дешифровке памятников линейного письма Б на Крите.

«Дионис и прадионисийство», согласно Вильдбергу, — сознательная методологическая альтернатива трудам Вилемовица-Мёллендорфа и его приверженцев. Свои претензии к ним он выразил *explicité* в статье, написанной для журнала «Hochland»: их блестящие лингвистические достижения, по мнению Вяч. Иванова, отторгли нас от восприятия живого духа античности; этот гума-

низм протестантского толка все низводит до изучения языков и их грамматики. Русский поэт, скорее, оказывается продолжателем научной линии Готфрида Велькера, он столь же убежден в неконтингентности каждого мифа, для него столь же ценна периферия мифообразования, как и его магистральные пути. Именно поэтому ему и удалось стать, по меткому замечанию Вильдберга, «мастером чтения религиозно-научного палимпсеста». Эти установки объясняют ивановский культ памяти, воспоминания как акта культуры и культурного события. Поэтому одна из важнейших и дорогих его сердцу идей — о тождестве культуры общества с его живой коллективной памятью.

Вильдберга не смущает телеологизм концепции Вяч. Иванова, ее «христостремительность», он видит в этом следование завету Зелинского: «Keine religionslose Religionswissenschaft!» («Никакой безрелигиозной науки о религии!»). В то же время интерес поэта к древним страстным культам, истоки которых с трудом различимы в глубине веков, укоренен в духовном наследии Владимира Соловьева, в заданном им императиве к преодолению схизмы и к восстановлению церковной целостности. Лишь живое переживание единства религиозной традиции делает понятным и естественным соположение, а порой и отождествление Вяч. Ивановым Диониса и Христа, крайне рискованное с иных точек зрения.

В совместной заметке «О принципах издания» в первую очередь описан алгоритм работы над текстом немецкого «Диониса»: получая от издателя глава за главой перевод Кете Розенберг, Вяч. Иванов подвергает его по своему усмотрению значительной правке (это и стилистические улучшения, и фактические уточнения, и сокращения, и дополнения); эта машинопись отдается затем в перепечатку. Как кажется, предполагалась финальная вычитка этого машинописного текста, содержащего немалое число неточностей и пропусков, поэтому современные издатели не могли на него вполне положиться и постоянно обращались к правленной машинописи. Как известно, «Дионис и прадионисийство» содержит немалое число стихотворных переводов из древних текстов; почти все их поэт переложил теперь уже на немецкий язык.

Следует оговорить, что в отношении примечаний поэт отказался от услуг Кете Розенберг. Видимо, он собирался их еще раз выверить, дополнить, а то и написать заново. Это свое намерение он выполнил лишь в отношении двух первых глав. К остальным главам примечания почерпнуты из маргиналий Вяч. Иванова на печатном экземпляре, хранящемся в его римском архиве и из позднейшей публикации в «Castrum Peregrini». Но эти источники содержат переводы отнюдь не всех примечаний — в немалом числе случаев издатели сами перевели их на немецкий

¹⁰ В данном контексте нельзя не упомянуть следующей работы, детально разрабатывающей данную проблематику: *Вестбрук Ф. Дионис и дионисийская трагедия: Вячеслав Иванов. Филологические и философские идеи о дионисийстве. München, 2009.*

язык. При этом особенное уважение вызывает предпринятая ими крайне трудоемкая проверка библиографических отсылок и фронтальная сверка цитат. Если какое-то из указаний поэта не поддавалось верификации, это специально отмечалось в квадратных скобках; порой эти пояснения перерастают в мини-комментарий. Отсутствие необходимых шрифтов в Баку привело к тому, что греческий был набран латиницей; теперь он явлен посредством природного алфавита. О трудностях, с которыми столкнулись издатели, можно составить наилучшее представление благодаря подробному поглавному описанию источников текста немецкого «Диониса». Общий их вывод гласит: все главы книги, за исключением восьмой главы и второй части главы двенадцатой, были Вяч. Ивановым тщательно переработаны, поэтому немецкий текст в своей массе более авторитетен, чем русский, — в каких-то случаях мысли в нем изложены более ясно и четко, а в каких-то более осторожно.

Но обратимся к самому изданию. Для оценки работы, проделанной американскими коллегами, стоит поглубже заглянуть в примечания, соотнести их со справочной частью, помещенной в конце книги. Весьма полезен список литературы (это в едином массиве и источники, и научная литература), составленный издателями. По их утверждению, он должен помочь читателю лучше ориентироваться в сносках, где библиографические указания обычно даются неполно. Внимательный их просмотр приводит к выводу о том, что не помешал бы и список сокращений, ибо в примечаниях встречаются аббревиатуры, может быть, и понятные без труда антиковедам, но нигде специально не раскрываемые и многим читателям вряд ли понятные. До известной степени ключом к этим сокращениям является указатель цитат из древних текстов, где имя ученого, подготовившего наиболее авторитетное издание данного автора, нередко указывается в круглых скобках. Лишь здесь можно выловить значения следующих аббревиатур, встречающихся в сносках (хотя и без подробного описания самих книг): *CIG* (Corpus Inscriptionum Graecae), *CIL* (Corpus Inscriptionum Latinorum), *IG* (Inscriptiones Graecae), *FHG* (Fragmenta Historicorum Graecorum), *FGH Hist* (Fragmente der griechischen Historiker) etc. Все же в некоторых случаях понять, о каких изданиях идет речь, затруднительно: *M. Gr.* (S. 131), *CIA* (S. 120, 170; не опечатка ли?). Есть и некоторые разнобои: так, знаменитая «*Realencyclopädie*» (см. ее описание в книге: S. 378) цитируется то как «*Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie*» (sic!), то просто, как «*RE*»; то же можно сказать о журнале «*Rheinisches Museum für Philologie*» (S. 11, 15). Понятно, что в этих и других случаях издатели следовали рабочим сокращениям самого автора (не забудем и об иных стандартах библиографических отсылок в начале XX века), но, думая,

более последовательная унификация в сносках, исходя из современных норм, как и введение списка сокращений, пошли бы делу лишь на пользу.

Один из наиболее болезненных вопросов при изучении переводов с древних языков — вопрос об изданиях, которыми пользовался тот или иной автор в своей работе. Позднейшие открытия рукописей нередко приводили к переатрибуциям, атетезам, перегруппировкам строк и фрагментов. Каждый переводчик является во многом заложником своего времени, потому перед исследователем неминуемо встает проблема соотношения перевода с уровнем современного автору научного и эдиционного знания (при этом установление использованного им издания — первый и важнейший шаг), в то же время он не может проигнорировать и достижения классической филологии XX столетия. Аналогичные сложности встают при подготовке к печати научных трудов прошлого; немецкий «Дионис» не исключение. Попробуем посмотреть на примере такого хрестоматийного автора, как Анакреонт, как эти проблемы решались; он упомянут в книге в общей сложности три раза.¹¹ Дважды речь идет о четверостишии, по словам русского поэта, приписываемом Анакреонту. Вяч. Иванов даже переводит его на немецкий язык:

Die mit dem Thyrsosstab heißt Helikonias;
jene — Xanthippes,
Glauke die dritte. Herab steigen begeistert
die Drei
talwärts vom Orgienhort zu den festlichen
Chören und bringen
Weintraub' und Efeugerank, bringen ein
Zicklein dem Gott.
(S. 57)¹²

Вяч. Иванов высказывается с осторожностью об авторстве этого стихотворения, включенного в столь важный корпус, как «*Anthologia Palatina*» (AP VI. 134), следуя Э. Хиллеру и О. Крузиусу, сомневающимся в его авторстве и потому помещающих его номер в квадратные скобки в своем издании (для Т. Бергка авторство Анакреонта в данном случае еще не поколеблено).¹³ Вопрос

¹¹ Пользуюсь случаем поблагодарить С. А. Завьялова за наблюдения, положенные в основу дальнейшего изложения.

¹² Приведу и русский текст эпиграммы:

Эта, что с тирсом в руке, — Геликония, —
с нею Ксантиппа;
Главка — третья: с горы сходят от
оргий святых
К праздничным хорам они, вдохновенные,
и Дионису
Сочное гроздие в дар, плющ и козленка
несут.

(Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. С. 49).

¹³ *Poetae Lyrici Graeci. Rec. Theodorus Bergk. Ed. 4. Lipsiae, 1882. Vol. III. № 107; Ant-*

этот, по мнению современных ученых, не поддается окончательному решению, ибо нам недоступны источники, которыми пользовался Мелагр Гадарский, составивший в I веке до н. э. первый обширный свод эпиграмм, положенный в основу последующих антологий. Все же совершенно непонятно, почему в регистрах к немецкому «Дионису» это стихотворение не учтено вовсе (мне не удалось найти его ни среди анакреонтовых, ни среди анонимных сочинений, ни в каком-либо другом месте индексов).

Под именем Анакреонта в списке цитируемых мест рецензируемого издания указан лишь один фрагмент — Fr. 11a; при этом отмечено, что за точку отсчета было принято издание Пейджа: «Anakreon (ed. Page)» (S. 404).¹⁴ Если обратиться к примечанию 49 в седьмой главе, то здесь читаем: «Anakreon selber gibt dazu Anlaß durch sein βασαρῆσω (fr. 11a, Page), was natürlich nicht bedeutet, „auf thrakische Art zu trinken“...» (S. 142). Данное примечание принадлежит к числу тех, что были переведены издателями из бакинского издания 1923 года, в котором дана следующая ссылка на издание Хиллера и Крузиуса: «fr. 45—62, Hiller-Crusius».¹⁵ В рецензируемом издании, таким образом, налицо анахронизм вследствие эмendaции, ибо издания Пейджа вышли в свет уже после кончины Вяч. Иванова.

Некоторое вынужденное обеднение немецкого издания в сравнении с русским надо признать в следующем случае. Так, Вяч. Иванов в примечании третьем к первой подглавке в главе VII перевел сначала четверостишие, приписывавшееся Симониду, а затем прозаический пассаж из «Пира мудрецов» Афиная, откуда почерпнуты эти стихи.¹⁶ Не

имея ивановского перевода этого примечания на немецкий, издатели цитируют греческий оригинал (S. 126).

Подобные наблюдения, конечно же, можно и должно продолжить, но уже не в рамках данной рецензии, а подробно осмысливая эдиционные принципы нового, насущно необходимого издания «Диониса и прадиионисийства» на русском языке.¹⁷ Лишь взвешенное сопоставление бакинского и тюбингенского изданий позволит ответить на вопрос — неизбежен ли обратный перевод книги? Но уже сейчас со всей определенностью ясно: для примечаний первых двух глав он необходим. В целом же союз известного слависта с филологом-классиком нельзя не признать в высшей степени удачным. Американские коллеги пошли по единственно правильному пути, проигнорировав перевод Кетэ Розенберг как текстологическую первооснову немецкоязычного варианта книги Вяч. Иванова. Не ставя перед собой задачи отражения того, как Вяч. Иванов работал над ее текстом, они сконцентрировали свои усилия на воспроизведении окончательного текста труда, выверке ссылок и составления научного аппарата. Они также взяли на себя смелость дополнить его там, где лакуны не были заполнены самим автором (я имею в виду в первую очередь примечания, переведенные ими с русского языка). Только на этом пути, думаю, подобное издание вообще могло состояться и обрести незаурядную научную ценность, какой оно несомненно обладает.

Приятно отметить, что подготовленное издание было замечено в Германии. Так, в центральной немецкой газете «Франкфуртер альгемайне» на него была опубликована

hologia Lyrica. Post Th. Bergkium ed. Eduardus Hiller, em. O. Crusius. Lipsiae, 1897. № [107].

¹⁴ То есть: Poetae Melici Graeci. Editio D. L. Page. Oxford, 1962. № 362 (11a — это номер по разделу, в котором находится данный фрагмент).

¹⁵ Иванов Вяч. Дионис и прадиионисийство. С. 127—128. Вяч. Иванов имел в своем распоряжении седьмое издание «Лирической антологии» Хиллера и Крузиуса, которым активно пользовался, переводя древнегреческих поэтов: Anthologia lyrica sive lyricorum Graecorum veterum praeter Pindarum reliquiae potiores. Post Theodorum Bergkium quartum edidit Eduardus Hiller. Exemplar emendavit atque novis fragmentis auxit Otto Crusius. Ed. stereot. Lipsiae: In aedibus V. G. Teubneri, 1897. LXXVI, 387 p. См. об этом в письме поэта к М. О. Гершензону от 2 марта 1912 года (Письма Вяч. Иванова и М. О. Гершензона / Публ. Е. Глухой и С. Федотовой // Русско-итальянский архив, VIII / Сост. К. Дидди и А. Шишкин. Салерно, 2011. С. 52).

¹⁶ Иванов Вяч. Дионис и прадиионисийство. С. 113.

¹⁷ Напомню вкратце плачевную историю русского текста «Диониса и прадиионисийства». Монография, изданная в Баку в 1923 году, была малодоступна, что побудило Н. В. Брагинскую на исходе советской эпохи републиковать XI главу книги со своими комментариями: Иванов В. И. «Возникновение трагедии» // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 237—293. Несколько позднее «фрагменты» «Диониса и прадиионисийства» (предисловие, главы I (не целиком), X, XI и XII) были воспроизведены в книге: Эсхил. Трагедии / В пер. Вячеслава Иванова; изд. подг. Н. И. Балашов, Д. Вяч. Иванов, М. Л. Гаспаров, Г. Ч. Гусейнов, Н. В. Котрелев, В. Н. Ярхо; отв. ред. Н. И. Балашов. М., 1989. С. 351—450 (сер. «Литературные памятники»). Препоны к воспроизведению полного текста книги рухнули с падением советской власти — в 1994 году издательство «Алетейя» неряшливо перепечатывает этот труд тиражом 8000 экземпляров. В 2000 году делается допечатка; см. справедливо резкую рецензию М. Вахтеля на это издание: Russica Romana. 2004. Vol. XI. P. 242—243.

краткая рецензия вскоре после выхода в свет.¹⁸ А 21 июня 2013 года на кафедре религиоведения Свободного берлинского университета прошло подробное обсуждение книги. Будем надеяться, что данная рецензия обра-

¹⁸ Reuman K. Einmal von Dionysos zu Jesus und zurück // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2012. 29. November. S. 32.

тит и в России внимание на книгу, которая несомненно представляет собой серьезный вызов брошенной отечественной филологии. На него ей придется рано или поздно ответить. Ответить, конечно же, новым изданием «Диониса и прадионисийства» — его новым русскоязычным воплощением.

© Д. С. Савченко

РУССКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА: ПРЕДВОСХИЩАЯ МОДЕРНИЗАЦИЮ*

В конце XIX — начале XX века в России зарождается жанр научной фантастики: из новинки массовой культуры он постепенно превращается в неотъемлемую часть интеллектуальных дебатов о взаимодействии с реалиями XX века. Российская научная фантастика этого периода предвосхищала происходящие в мире изменения, и тем самым влияла на осмысление будущего больше, чем какой-либо другой литературный жанр того времени. Именно специфическая социальная темпоральность нового литературного жанра находится в фокусе исследования Аниндиты Банерджи в книге «Мы новые люди».

Исходный тезис автора состоит в том, что научная фантастика как отдельное литературное направление появилась именно в России, причем основанием для такого утверждения служит не столько анализ художественных признаков жанра, сколько хронология употребления самого словосочетания. Так, Банерджи отмечает, что книгу Мери Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей» (1818), которую принято считать первым научно-фантастическим произведением, признали таковым гораздо позднее, пост-фактум. Между тем в России выражение «научная фантастика» появилось в 1894 году в редакционной заметке в журнале «Природа и люди», в то время как его английский аналог «science fiction» получил распространение в Америке только с 1926 года, когда Хьюго Гернсбек основал первый журнал, посвященный научной фантастике, «Amazing Stories». Стремясь подчеркнуть самобытность и новаторство жанра русской научной фантастики, в начале книги автор на-

мерно использует термин «scientific fantasy» — буквальный перевод с русского языка вместо приведенного выше общепринятого английского варианта.

В русском литературном контексте появление жанра научной фантастики не было следствием представления о том, что наука и технология стали главными двигателями современной жизни. Напротив, именно фантастическая литература сыграла важную роль в оформлении самой связи между обществом Новейшего времени («modernity») и вообразенными социо-техническими изменениями. Банерджи интерпретирует эту особенность русской научной фантастики как «творческое вмешательство в историю» («creative intervention in history», с. 71).

В своем исследовании автор опирается на солидный корпус источников, среди которых: выпуски журналов «Природа и люди», «Вокруг света», произведения поэтов Серебряного века (например, «Труба марсиан», «Индорусский союз», «Азосоюз» Велимира Хлебникова; «Полет» Л. Н. Андреева), писателей А. Н. Толстого, А. А. Богданова, работы К. Э. Циолковского, а также труды менее известных беллетристов, к примеру, А. Е. Конкевича (псевдоним — Александр Беломор; книга «Роковая война 18?? года»). Банерджи подчеркивает, что в отношении русской научной фантастики нет смысла проводить границу между нею и научно-популярной журналистикой, так как на рубеже веков едва ли возможно обнаружить разницу между этими явлениями. Новости, периодика и романы научной фантастики в равной мере влияли на процесс модернизации.

Один из главных вопросов, которые формулирует автор — почему жанр «научной» фантастики появился на рубеже веков именно в России, несмотря на то что в области технологии и индустрии страна в то время отставала от Запада? Банерджи полагает, что российские писатели использовали жанр научной фантастики для написания собственного сценария срочного и стремительного пе-

* Banerjee A. We Modern People, Science Fiction and the Making of Russian Modernity. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2012. 206 p. Работа выполнена в Европейском университете в Санкт-Петербурге при поддержке гранта Правительства РФ (Договор № 14.U04.31.0001) под руководством ведущего ученого Марно Биаджоли.